Глава 666: Рассвет

Самое темное время перед рассветом. Обычно, когда говорили эти слова, их смысл был в том, что если выдержать темнейший час, можно будет встретить яркое и прекрасное утро, принцип был в том, что надежда была вечной. Однако, когда действительно наступал рассвет, как это было связано с темнейшим часом?

Время было жизнью, и когда оно заканчивалось, не было пути назад. Никогда не было никакой связи между светом другого человека и собственной тьмой.

«Я всегда верила, что была солнцем, - Божественная Императрица Тяньхай посмотрела на невероятно слабый свет на востоке, утреннее солнце, которое все еще не могло подняться над горизонтом, - я хотела величественно сиять над миром. Всякий, кто противостоял бы мне, неизбежно был бы сожжен до смерти под лучами солнца, не имея возможности скрыться».

Ее слова и мысли все еще были такими же значительно властными, как и в прошлом, но сейчас она не стояла на Платформе Росы или на краю Божественного Пути, осматривая свой мир. Прямо сейчас она лежала у груди Чэнь Чаншэна, как обычная обессиленная женщина.

Чэнь Чаншэн чувствовал это отчетливее других. Услышав эти слова, он почувствовал неописуемую грусть. Он спросил: «Как может быть возможно убить всех?»

Вчера в Имперском Дворце у Сюй Южун была похожая позиция. В то время ответ Божественной Императрицы был очень простым, очень твердым. Сейчас, однако, она не дала подобный ответ.

Потому что все, что произошло этой бесконечной ночью, было доказательством того, что ее ответ тогда был неверным.

После мгновения тишины она ответила: «Да, невозможно убить всех».

Слова эти были простыми, без какого-либо привкуса, однако, услышав их, Чэнь Чаншэн почувствовал опустошенность и чрезвычайную горесть.

Он хотел сказать что-то, чтобы утешить ее на грани смерти, но не знал, что сказать. Внезапно из леса, граничащего с Божественным Путем, послышался всплеск шума.

Удерживая Божественную Императрицу Тяньхай, он настороженно посмотрел туда, а его правая рука снова сжала меч. Леса на вершине Мавзолея Книг были невероятно густыми и они были покрыты колючими зарослями. Там никогда не было пути и после дождя все окружающее пространство стало почти непроходимой грязью. В паре с ограничениями мавзолея кто мог прийти сюда?

Раздавливая кустарник и разбрызгивая грязь, Юй Жэнь выбрался из леса.

Всю вторую половину ночи он с трудом карабкался по Мавзолею Книг. Его рука и тело были покрыты ранами, кровь смешалась с водой и грязью, создавая жалкое зрелище.

Прибыв на вершину Мавзолея Книг, первое, что Юй Жэнь увидел, была прекрасная женщина в объятиях Чэнь Чаншэна. Он по какой-то причине находил эту женщину очень опасной. Его рот был широко раскрыт, а его лицо наполнилось опасением, он громко ворчал, спеша к юноше, желая оттащить Чэнь Чаншэна и спрятать его у себя за спиной.

Но когда он доковылял до Чэнь Чаншэна, он остановился.

Эта прекрасная женщина казалась ему весьма знакомой. Более того, ее лицо было бледным и, как и он, она тоже была в крови и выглядела очень жалко.

Медицинские навыки Юй Жэня были выдающимися, а его сердце - добрым. В Деревне Синин и в течение тех двух лет, когда он путешествовал по миру, он часто лечил тех, кто был слишком бедным, чтобы позволить себе лечение. Убедившись, что с его младшим братом все было в порядке, он подсознательно захотел помочь женщине. Но он тут же осознал, что ее уже было не спасти.

Что же происходило? Что случилось?

Когда Юй Жэнь выбрался из зарослей, покрытый кровью, Чэнь Чаншэн был очень шокирован. Он не мог представить, что его старший брат все время был в Мавзолее Книг. Затем он был глубоко растроган, потому что знал, что его старший брат несомненно услышал его голос и пришел на помощь. Впоследствии он почувствовал себя очень виноватым. Без всяких на то причин он просто чувствовал себя очень виноватым.

Божественная Императрица посмотрела на хромого и полуслепого молодого даосиста, немного приподняв брови, возможно, из счастья, тревоги, или из-за каких-то других эмоций.

«Это... твой старший брат».

«Да, - Чэнь Чаншэн повернулся к Юй Жэню и сказал, - старший брат, это твоя мама».

Юй Жэнь замер, широко раскрыв рот и глядя на прекрасную женщину, которая лежала в объятиях Чэнь Чаншэна. Он не знал, что сказать, возможно, потому что он никогда не мог говорить.

Божественная Императрица Тяньхай посмотрела на Чэнь Чаншэна и спросила: «Тогда кто же ты?»

«Я не знаю, - Чэнь Чаншэн с оттенком раздражения продолжил, - изначально я думал, что я - сын моей леди, но как оказывается, это - неправда».

Божественная Императрица спросила: «Быть моим сыном очень постыдно?»

Чэнь Чаншэн задумался над этим, а потом ответил: «Если бы я мог быть сыном моей леди, то это было то, чем можно было бы очень гордиться, я думаю?»

«Один медлительный, один дурак, действительно...»

Божественная Императрица посмотрела на Чэнь Чаншэна, а потом на Юй Жэня.

Наконец, она посмотрела на безграничный блеск, который распространился по ночному небу. «Но, в конце концов, у Нас есть два сына».

Когда она говорила, ее настроение было очень умиротворенным и спокойным, но и богатым на осмеяние. В целом, оно было очень сложным.

Сказав это, она более не говорила.

Посмотрев на Чэнь Чаншэна, Юй Жэня, и на звездное небо, она больше ни на что не смотрела,

даже на мир.

Она закрыла глаза.

.....

.....

Чэнь Чаншэн почувствовал, что она перестала дышать, почувствовал, что ее душа покинула ее тело. Его лицо стало невероятно бледным, как будто он тоже потерял душу.

Когда прошло некоторое время, он с большим трудом повернул голову, чтобы посмотреть на Юй Жэня: «Она... Божественная Императрица... старший брат... твоя мать».

Он заикался и запинался, ему никогда в его жизни не было так трудно говорить.

Сразу же после того, как он закончил, он начал плакать.

Он обнимал труп Божественной Императрицы и плакал: «Старший брат, прости, я тоже не знаю, что происходит».

Юй Жэнь тоже начал плакать, непрерывно жестами показывая свои извинения.

Чэнь Чаншэн непрерывно плакал, постоянно повторяя слово ‘прости’.

Юй Жэнь непрерывно плакал, жестом показывая ‘прости’.

Чэнь Чаншэн не знал, почему он говорил ‘прости’ своему старшему брату.

Юй Жэнь тоже не знал, почему он говорил ‘прости’ своему младшему брату.

Если хорошенько разобраться, то, естественно, была причина для таких грустных извинений. Только вот в это время эту причину нельзя было ясно понять.

Возможно, потому что этот мир подвел их, и не было места, где бы они могли найти эту причину.

.....

.....

Дождь уже давным-давно прекратился.

Будь это ливень или моросящий дождь, который был ответом мира, все прекратилось.

Солнце еще не полностью выглянуло из-за горизонта, но море облаков уже начало сиять.

Вскоре на востоке вырвется рассвет.

Поп, не заботясь о своих ранах, вернулся во Дворец Ли.

Уцюн Би, неся своего мужа, который был у бездны смерти, покинула столицу.

Шан Синчжоу прибыл из Лояна в Мавзолей Книг.

Многие министры Имперского Двора Великой Чжоу, войска Имперской Стражи и Департамента Городских Врат, а также фракции Ортодоксии прибыли к Мавзолею Книг.

Море лотосов уже растворилось, но сейчас море людей, подобно волне, окружило Мавзолей Книг.

Тяньхай Чэньву взял преданных ему подчиненных и прибыл к основанию Божественного Пути. Его лицо было совершенно безразличным, в нем не было даже намека на скорбь.

Сюй Шицзи, который не появлялся целую ночь, тоже явил себя. Его лицо было невыразительным, его мысли были непроницаемыми.

Так называемая семейная любовь была ложью. Так называемая преданность была ложью.

Небеса нужно было понимать день за днем. Землю тоже нужно было понимать день за днем. Сколько утренних зорь могли выдержать люди?

Шан Синчжоу взошел на вершину Мавзолея Книг.

Хань Цин уступил путь.

Шан Синчжоу поднялся на Божественный Путь, его роба даосиста развевалась на ветру. Он казался оторванным от мирского мира.

Чэнь Чаншэн смотрел, как его учитель постепенно восходит по Божественному Пути, почувствовав его намерения.

Он поместил тело Божественной Императрицы Тяньхай на свою спину и начал спускаться с Мавзолея Книг.

Во всем этом процессе взгляд Юй Жэня был сосредоточен на нем и теле Божественной Императрицы.

На Мавзолее Книг был только один путь.

Шан Синчжоу взошел к вершине по Божественному Пути.

Чэнь Чаншэн нес тело Божественной Императрицы и спускался с вершины.

Учитель и ученик встретились на середине Божественного Пути.

Шан Синчжоу не смотрел на него.

Он тоже не смотрел на Шан Синчжоу.

Учитель и ученик прошли мимо друг друга, как полные незнакомцы.

Спустя долгое время Чэнь Чаншэн исчез в лесу под Мавзолеем Книг.

Шан Синчжоу достиг вершины Мавзолея Книг. Он с любовью и достоинством погладил голову Юй Жэня, а затем взял здоровую руку Юй Жэня.

Он сопроводил его к краю Божественного Пути.

В высочайшем месте в мире он поднял руку Юй Жэня.

Принцы клана Чэнь, представители сект и благородных кланов, бесчисленные служащие Великой Чжоу, священники Дворца Ли и солдаты пали ниц на земле, провозглашая ‘долгой жизни’.

Утреннее солнце поднялось, сияя на вершину Мавзолея Книг.

Утренний свет пал на тот монолит.

Это был высочайший монолит Мавзолея Книг.

На его поверхности не было слов, не было линий, не было узоров.

Изначально там не было ничего.

.....

.....

(Конец Книги 4 - Вскоре на востоке наступит рассвет)

http://tl.rulate.ru/book/1222/190589